

Путь человека по хасидскому учению

МАРТИН БУБЕР

= ПРАЗДНИКИ = ГЛАВНАЯ = ТРАДИЦИИ = ИСТОРИЯ = АТЛАС = ХОЛОКОСТ = ИЗРАНЕТ = НОВОСТИ = СИОНИЗМ =

Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2006 г. 528 стр.

I. САМООСМЫСЛЕНИЕ

Когда рабби Шнеур Залман из Ляд сидел в тюрьме в Петербурге, - ибо один из предводителей митнагидов оклеветал его взгляды и учение перед властями, - и ждал допроса, к нему в камеру вошел глава Тайной канцелярии. Увидев исполненное достоинства лицо раввина, погруженного в себя и его сперва не заметившего, внимательный гость догадался, кто этот заключенный. Он заговорил с ним и задал немало вопросов, возникших у него при чтении Писания. В конце беседы он спросил: «Как объяснить, что Всеведущий Бог говорит Адаму: «Где ты?»» «Верите ли вы, - спросил в ответ раввин, - что Писание вечно и истинно для любой эпохи, любого поколения и любого человека?» «Верю», - ответил тот. «Если так, - продолжил рабби, - то в любой момент Бог взывает к человеку: «Где ты в этом мире? Много лет и дней, отмеренных тебе, уже прошли, а как далеко ты продвинулся?» Бог и тебе говорит: «Ты прожил сорок шесть лет. Где же ты?»» Услышав, что раввин назвал точное число прожитых им лет, глава Тайной канцелярии, сдерживая волнение, положил руку на плечо своего собеседника и воскликнул: «Браво!» Сердце его трепетало.

О чем эта история?

Внешне она похожа на те рассказы из Талмуда, где римлянин или другой язычник просит еврейского мудреца разъяснить ему какое-нибудь место из Библии, надеясь обнаружить в иудейском вероучении мнимое противоречие, и получает ответ, в котором либо растолковывается, что противоречия здесь вовсе нет, либо приводятся другие доводы, отклоняющие критику, а подчас сопровождаемые и отповедью. Но вскоре мы замечаем существенную разницу между рассказами из Талмуда и хасидской историей, разницу, которая, впрочем, может показаться значительней, чем есть. А именно: ответ дается совсем не в той плоскости в какой задан вопрос.

Глава Тайной канцелярии намерен показать, что-де еврейская религия содержит в себе противоречие. Евреи исповедуют Бога как всеведущее Существо, а Писание вкладывает Ему в уста вопросы, кои может задавать лишь тот, кто чего-то не знает и спрашивает об этом. Бог ищет Адама, который скрылся, и, окликаая его в саду, вопрошает, где же тот находится. Значит, Он этого не знает, от Него можно спрятаться, а посему Он не всеведущ.

Вместо того чтобы растолковать соответствующее место и устранить кажущееся противоречие, рабби только отталкивается от Писания, использует его мотив, дабы упрекнуть главу Канцелярии за его прошлую жизнь, отсутствие серьезности, бездумность и безответственность. На безличный вопрос, который хоть и задан чистосердечно, но, в сущности есть не вопрос, а лишь разновидность словопрения, дается личный ответ; скорее даже не ответ, а конкретно адресованная отповедь. От талмудических контроверз осталась здесь, похоже, лишь эта отповедь, иной раз к ним добавляемая.

Рассмотрим все же эту историю пристальнее. Глава Канцелярии спрашивает о том месте из библейского повествования, где рассказано о грехе Адама. Своим ответом рабби намерен сказать: «Ты и есть Адам, к тебе и обращается Бог: где ты?» Кажется, он не дает никаких пояснений к смыслу самого библейского текста. На деле же ответ разъясняет обе ситуации: и ту, в которой оказался Адам перед вопросом Бога, и ту, в которой находится во всякое время и во всяком месте каждый человек. Едва услышав библейский вопрос и уразумев, что он обращен к нему, собеседник рабби должен догадаться, что же это значит, если Бог спрашивает: где ты? - неважно, обращен ли вопрос к Адаму или к кому-нибудь другому. Задавая вопрос, Бог вовсе не осведомляется у человека о том, чего Он еще не знает. Он просто хочет пробудить в человеке Нечто, что лишь таким вопросом и пробуждается, при условии, что вопрос попадает человеку в самое сердце, что человек откроет навстречу ему свою душу.

Адам скрывается, дабы избежать расплаты, дабы уйти от ответственности за свою жизнь. Точно так же скрывается и каждый человек, ибо каждый человек - Адам и должен пережить ситуацию Адама. Во избежание ответственности за прожитую жизнь человек обустроивает свое бытие как систему укрытий. И с ее помощью, постоянно скрываясь от «лика Божия», все глубже и глубже погружается в ложь. Так возникает новая ситуация, которая изо дня в день, сменяя одно укрытие другим, становится все более сомнительной. Эту ситуацию можно представить вполне однозначно: человеку некуда скрыться от ока Божия; скрываясь от него, он скрывается от самого себя. Конечно, и сам он хранит в себе Нечто, ищущее его, но это Нечто наталкивается на преграды, самим же человеком и сотворенные и мешающие ему самого себя найти. Вот на эту-то ситуацию и направлен вопрос Бога. Он хочет добраться до человека, сломать его укрытия, пытаясь показать ему, куда же тот угодил, пробудить в нем великую волю вызволиться оттуда.

Все зависит лишь от того, насколько человек готов к этому вопросу. Конечно, у каждого, как и у нашего главы Канцелярии, «затрепещет сердце», когда Божий глас достигнет его слуха. Но его защитное устройство поможет ему справиться и с движением сердца. Ведь голос является не в «огне и землетрясении», которые бы угрожали существованию человека; он - как «голос тонкой тишины», и его легко заглушить.

Покуда все обстоит так, жизнь человека не станет путем. Сколь бы преуспевающим и счастливым человек ни был, какой бы властью он ни обладал и какие бы великие деяния ни совершал, в его жизни пути не будет, покуда он не отзовется на этот голос. Адам отзывается на него, он признает свое падение, он сознается: «Я скрылся», - с этого и начинается путь человеческий. Только решающее самоосмысление определяет начало пути в жизни человека, многожды повторяемое начало человеческого пути. Но решающим оно становится только тогда, когда выводит

человека на путь. Ибо есть еще другое, бесплодное самоосмысление, которое ни к чему иному не приводит, кроме самомучительства, отчаяния и еще более глубокой лжи. Когда рабби из Гур, толкуя Писание, доходит до слов, с которыми Яков обращается к рабу своему: «когда встретит тебя Эсав, брат мой, и спросит тебя, говоря: «чей ты? и куда идешь? и для кого эти, что пред тобою?»», - он говорит своим ученикам: «Заметьте, как вопросы Эсава похожи на изречения наших мудрецов: «Всмотрись в три вещи: знай, откуда ты пришел, куда идешь и перед Кем отвечать будешь». Внемлите им, ибо великий искус потребен тому, кто усмотрел эти три вещи: а не Эсав ли в нем спрашивает? Ведь и Эсав может спросить о них и свергнуть человека в уныние».

Существует и некий демонический вопрос, вопрос поддельный и лишь подражающий вопросу Бога, вопросу Истины. Его можно распознать по тому, что он не исчерпывается словами «Где ты?», а еще добавляет: «Оттуда, куда ты забрел, пути больше не будет». Есть и превратное самоосмысление, которое не побуждает человека к обращению и не выводит его на путь, но, предоставляя ему само обращение как бы тщетным, направляет его туда, где оно, похоже, становится окончательно невозможным, и человек продолжает жить только силою демонической гордыни, гордыни своего греха.

II. ОСОБЫЙ ПУТЬ

Однажды рабби Дов Бер из Радошиц попросил своего учителя Люблинского Провидца: «Укажите мне путь служения Богу, какой бы ' бы пригоден для всех!» Цадик ответил: «Невозможно сказать каждому человеку, по какому пути ему следует идти. Одни служат Господу изучением Торы, другие - молитвой, третьи - постом, четвертые - вкушением пищи. Каждый должен сам понять, к чему влечет его сердце, и этот путь избрать безоглядно».

В этих словах прежде всего говорится о нашем отношении к тому что достигнуто истинным служением до нас. Нам следует почитать прежний опыт, учиться у него, но нам не следует его повторять. То, что было Великого и Святого, да станет для нас примером, ибо оно являет нам, что же такое Величие и Святость, но оно вовсе не модель, чтобы ее срисовывать. Сколь ни мало наше деяние, - измерив его мерою деяний отцов наших, - мы выявим его достоинство лишь в том случае, если совершим его по своему разумению и по силам своим.

Один хасид спросил у Магида из Злочева: «Каждый в Израиле непременно обязан говорить: когда труды мои сравниваются с трудами отцов моих, Авраама, Исаака и Якова». Разве можем мы даже помыслить о том, чтобы совершить то, что совершали наши отцы?»

Рабби объяснил: «Отцы наши открыли новые пути служения, каждый - в соответствии с собственным характером: один - служение любовью, другой - служение непоколебимой справедливостью, третий - служение красотой, поэтому каждый из нас может открыть в области учения и служения что-то такое, что присуще только ему, и совершить то, что до него никто не делал. С каждым человеком приходит в мир что-то новое, чего еще не было, что-то первоначальное и небывалое. Долг каждого в Израиле - осознать, что он в мире единствен в образе своем и не было еще в мире равного ему, ведь если был бы уже на свете некий, равный ему, то мир бы в нем самом и не нуждался вовсе.

Каждый в мире сем неповторим и нов и свойство свое должен довести в этом мире до совершенства. Ибо воистину: что нет этого, потому и откладывается пришествие Мессии». Эта единственность и неповторимость как раз и есть то, что каждому поручено развить и привести в действие, ни в коем случае не повторяя деяний, которые уже осуществил другой, хотя бы и величайший. Мудрый рабби Буним, в глубокой старости, уже ос-лепнув, как-то сказал: «Я не хотел бы поменяться местами с отцом Авраамом. Что Богу с того, если праотец Авраам станет слепым, как Буним, а слепой Буним - как Авраам?» Но еще проникновенней эту мысль выразил рабби Зуся, перед смертью сказав: «В Мире грядущем меня не спросят: почему ты не был Моисеем? Меня спросят: почему ты не был Зусей?»

Перед нами учение, которое зиждется на том факте, что все люди в сущности своей неодинаковы и что, в соответствии с этим, их и не стоит делать таковыми. У всех людей есть доступ к Богу, и у каждого - свой. Именно в этой непохожести людей друг на друга, в этой несхожести их свойств и склонностей и заключен великий шанс рода человеческого. Всемогущество Бога представлено бесконечным многообразием путей, которые ведут к Нему и из которых каждый открыт какому-то одному человеку. Когда кто-то из учеников одного почившего цадика пришел к Люблинскому Провидцу и подивился, что обычай у него не таков, как у их учителя, тот воскликнул: «Бог, которому можно было бы служить лишь одним-единственным путем, - что это был бы за Бог?!» Но в том-то и дело, что если каждый может начать восхождение к Богу, находясь на своем месте и в соответствии со своей сущностью, то и весь человеческий род как таковой всеми путями может прийти к Нему.

Бог не говорит: «Вот этот путь ко Мне ведет, а тот - нет». Он говорит: «Что бы ни делал ты, это может стать путем, ведущим ко Мне, лишь бы ты делал это так, чтобы оно вело тебя ко Мне». Однако то, что никто другой за самого человека не сделает, никто другой ему и не откроет. И ежели здесь, как было сказано, один станет поглядывать на другого: насколько-де тот преуспел, - и стараться подражать ему, это только уведет не в ту сторону: ибо тут-то и утратит человек то самое, к чему лишь он один призван. Баал Шем Тов учит: «Пусть каждый ведет себя, как подобает на его ступени. А кто поступит иначе, схватится за ступеньку попугайки и выпустит свою, тому ни та, ни другая не достанутся». Какой стезей человек попадет к Богу, об этом скажет ему только познание своей собственной сущности, познание сущностных своих свойств и склонностей. «Каждый таит в себе некий дар, которого нет у другого». Но что есть этот «дар», человеку откроется, если он распознает в истине свое самое сильное чувство, главное желание свое, то, что движет в нем «внутреннего человека».

Правда, самое сильное чувство, является человеку часто в обличье особой страсти, в обличье Злого начала, вводящего его в соблазн. Естественно, что самое сильное желание устремляет его прежде всего к вещам, встречающимся ему, от которых он ждет утоления своей жажды. Что здесь потребно сделать - так это направить силу именно этого чувства, именно этого влечения со случайного на необходимое, с относительного на абсолютное. Так человек обретает свой путь.

В учении одного цадика говорится: «В конце Экклезиаста есть такие слова: «Послушаем всему заключенье: Бога бойся и соблюдай Его заветы!» [Эккл. 12:13]. Какое бы дело ты ни приводил к завершению, в самом конце его ты услышишь: «Бога бойся», и только в одном этом и есть всё и вся. В мире нет ничего, что не вело бы тебя к страху

Божию и не указывало пути служения Божия. Все есть заповедь». Но жить в мире, в который мы помещены, по истине, вовсе не значит отворачиваться от вещей и существ, с которыми соприкасаемся мы и которые влекут к себе наше сердце, а напротив того, освящая наши отношения с ними, прикасаться ко всему, что открывается в нем, - как красота, радость или наслаждение. Хасидизм учит, что умение радоваться миру, если мы освящаем эту радость всем своим существом, ведет к радости Божией.

В истории о Провидце есть, кажется, то противоречие, что в числе путей наряду с наслаждением от пищи приводится пример аскетического служения. Но если мы взглянем на это из глубины хасидского учения в целом, то увидим, что самоотстранение от природы, пренебрежение естественным если и видится иному человеку необходимым в начале пути или в переломные моменты бытия самопогружением, то ни в коем случае не означает всего пути. Кто-то, по-видимому, всякий раз начинает с поста, ибо ему свойственно освобождаться от порабощенности мирским только через аскезу, приводящую его к глубокому самоосмыслению и уже затем - к единению с Абсолютом. Но нельзя давать аскезе завладеть всей твоей жизнью. Человек должен удалиться от своего естества только для того, чтобы вернуться к нему обновленным и, освятив свой контакт с ним, найти путь к Богу.

Стих из Писания, который повествует об Аврааме, угощающем ангелов: «А сам стоял подле них под деревом. И они ели» [Быт. 18:8], рабби Зуся истолковывал так: человек стоит подле ангелов, ибо ему ведомо неизвестное им таинство вкушения, которое освящает ее. Ангелам, для коих вкушение пищи было чем-то непривычным, Авраам дает возможность освятить пищу. Всякое естественное действие ведет, если только оно освящено, к Богу, и природа нуждается в человеке, дабы он совершал то, что ни один ангел совершить не сумеет: освобождал заключенные в ней искры Божественного света.

III. РЕШИМОСТЬ

Как-то раз один хасид, последователь Провидца, держал пост от субботы до субботы. В пятницу пополудни напала на него такая лютая жажда, что он подумал, будто умирает. Тут он увидел колодец, подошел к нему и уже собрался было напиться, как вдруг опомнился: ведь всего-то час осталось ему потерпеть, а из-за него он уничтожит все дело. Пить он не стал и отошел от колодца. Гордыня обуяла его, что он выдержал тяжелое искушение. Осознав же это, он тотчас сказал сам себе: «Лучше я пойду и напьюсь, но не дам гордости завладеть моим сердцем!» Вернулся он к колодцу обратно. Но только он собрался зачерпнуть воды, как жажда оставила его. С наступлением субботы он пришел в дом своего учителя. «Лоскутное одеяло!», - бросил тот с порога.

Когда я в годы моей молодости впервые услышал эту историю, я был поражен, что учитель так сурово обошелся со своим ревностным учеником. Тот напрягает все силы, чтобы свершить нелегкий труд аскезы, охвачен искушением прекратить его, преодолевает искушение, а награда за все это - пренебрежительный отзыв своего учителя. Пусть первое препятствие шло от плоти, которая возобладала над душой, и эту телесную власть непременно нужно было сломить, но второе-то проистекало из самого благородного побуждения: уж лучше потерпеть неудачу, чем впасть в гордыню! Можно ли порицать человека за такое внутреннее его брение? Не многовато ли от него потребовали?

И лишь гораздо позднее (впрочем, уже добрую четверть века тому назад), когда я сам пересказывал эту историю, хранимую преданием, я понял, что суть здесь вовсе не в каких-то предъявляемых человеку требованиях. Ведь цадик из Люблина не слыл приверженцем аскезы, и то, что предпринял хасид, делалось вовсе не в угоду учителю; он просто надеялся подняться таким способом на более высокую душевную ступень; а что пост на начальной стадии развития личности, да и после, в критические моменты жизни, может помочь в этом, он не раз слышал из уст Провидца.

Те слова, которые Провидец, несомненно с глубоким пониманием наблюдавший за борениями своего ученика, говорит ему, означают только одно: «Таким способом на более высокую ступень не поднимешься». Цадик предостерегает ученика от чего-то, что непременно помешает тому осуществить свое намерение. И нам вполне ясно, в чем здесь дело. Не успев продвинуться, ты снова отступаешь - это-то и порицается. Подозрителен здесь сам характер действий, шараханье из стороны в сторону, «Лоскутному одеялу» противопоставляется «цельнокройное», цельное деяние. Но как же совершают такое цельное деяние? Не иначе, как собравши свою душу воедино.

И снова не дает нам покоя вопрос, не слишком ли сурово обошелся здесь учитель с учеником. Ведь наш мир устроен так, что у одного душа - неважно, «по природе» или «по заслугам», - единая, цельная, а потому и поступки у него цельные, ибо не что иное, как склад души, побуждает и склоняет человека к его поступкам; у другого же душа многогранна, усложнена, противоречива, и ею-то и определяется то, как он действует: все помехи и затруднения проистекают из помех и затруднений внутри самой души, и ее беспокойство отражается в беспокойном характере поступков. Что же еще остается подобным образом устроенному человеку, как не напрягать все свои силы, преодолевая искушения, которые встречаются ему на пути к поставленной цели? Что же еще остается ему, если посреди своего деяния он, как говорится, не возьмет себя в руки, то есть не соберет воедино свою в разные стороны раздираемую душу и в таком вот собранном состоянии не направит ее к цели, будучи при этом всякий раз готовым, подобно хасиду из нашей истории, когда того обуревала гордыня, пожертвовать самой целью, чтобы спасти душу?

Вот если, задавшись этими вопросами, мы еще раз обратимся к нашей истории, то увидим, какой урок кроется в критике Провидца. Урок таков: человек может собрать свою душу воедино. Человек с многогранной, усложненной, противоречивой душой не беспомощен: самое сокровенное в такой душе - Божественная сила в ее глубинах - сможет воздействовать на нее, изменить, связать друг с другом враждующие силы, вплавить друг в друга разбегающиеся части, - оно, это сокровенное, сумеет сделать ее единой. И нужно, чтобы такое единение свершилось прежде, нежели человек приступит к новому, небывалому делу. Только соединив свою душу, сможет он по-настоящему совершить это дело цельно, без швов и заплат. Именно в этом Провидец упрекает хасида: тот поспешил начать свое деяние, будучи несобран душой; а посередь работы уже ничего не соберешь. Не следует к тому же полагать, что к единению приведет-де аскеза; она поможет очиститься, сконцентрироваться, но не сохранить эти результаты вплоть до самого достижения цели: оборонить душу от противоречий она не может.

Правда, здесь нужно вот что иметь в виду: никакое единение для души не окончательно. И самая цельная от рождения душа бывает обуреваема внутренними сложностями, и та, что с великим напряжением взыскует единства, никогда не сумеет его достичь до конца. Но все же всякое деяние, которое я свершаю, будучи целен душою,

возвращается к ней обратно, способствуя новому и более высокому единению ее, всякое деяние ведет меня, пусть окольными нередко путями, к более устойчивому единству, чем то, с которого все начиналось. Так достигаешь, наконец, такого уровня, где можешь уже довериться своей душе, ибо мера ее цельности столь велика, что она преодолевает противоречия играючи. Бдительность, правда, необходима по-прежнему, но теперь душа стала спокойной.

В один из дней Хануки рабби Нахум, сын рабби из Ружина, пришел неожиданно в дом учения и застал учеников за игрой в шашки, как и было принято в эти дни. Увидев цадика, они смутились и перестали играть. Но цадик приветливо кивнул им и спросил: «А правила игры в шашки вы знаете?» Те совсем оробели и не могли выдать ни слова, так что он сам ответил за них: «Вот вам эти правила. Во-первых, не делать двух ходов сразу. Во-вторых, ходить только вперед. В-третьих, если ты добрался до самого верха, в дамки, то можешь ходить куда хочешь». Однако было бы глубокой ошибкой, говоря о единении души, понимать под словом «душа» нечто отдельное, но не всего человека, объемлющего и тело и дух. Душа не может быть по-настоящему едина, если в это единство не вливаются все телесные силы, все члены нашего тела. Стих Писания: «Все, что может рука твоя делать, по силам делай» [Эккл. 9:10] Баал Шем Тов толковал следующим образом: всякое действие, которое ты совершаешь, совершай каждой клеточкой тела твоего - что означает, что и все телесное существо человека должно соучаствовать в его деяниях, ничему в нем не дано остаться безучастным. Если человек стал таким единством плоти и духа, то деяния его воистину цельны.

IV. НАЧНИ С СЕБЯ

Как-то рабби Ицхака из Ворки посетили несколько богатых и влиятельных евреев. Говорили о том, как важно иметь честного слугу для ведения хозяйства; если он хорош, то и в доме все ладится, как это можно видеть на примере Йосефа, под рукой у которого все спорилось. Рабби Ицхак с этим не согласился. «Раньше я тоже так думал, - сказал он, - пока мой учитель не объяснил мне, что все зависит от хозяина дома. В молодые годы я много натерпелся от моей жены и терпел бы дальше, если б не жаль мне было челяди. Я поехал к своему учителю, рабби Давиду из Лелова, и спросил его, должен ли я как-то урезонивать свою жену. Тот ответил мне так: «Зачем ты спрашиваешь меня? Спроси лучше себя самого!» Мне пришлось поразмыслить над этими словами, пока я не понял их; а понял я их, вспомнив изречение Баал Шем Тоба: «Существуют три вещи: мысль, слово, действие. Мысль соответствует супруге, слово - чадам, а действие - челяди. Кто наладит в себе эти три вещи, у того все образуется». Тут я и понял, что имел в виду мой учитель: что все зависит только от меня самого».

Эта история затрагивает одну из самых глубоких и сложных проблем нашей жизни: подлинный источник конфликтов между людьми. Обычно проявления конфликта объясняют мотивами, кои находящиеся во вражде считают поводом для ссоры, а также породившими эти мотивы объективными ситуациями и процессами, касающимися обеих вовлеченных в конфликт сторон; либо подходят к делу аналитически, пытаясь исследовать бессознательные комплексы, к которым данные мотивы относятся как симптомы болезни к органическим нарушениям. Хасидов роднит с последним воззрением то, что и они от проблем внешней жизни отсылают к проблемам жизни внутренней. Однако в двух существенных моментах оба эти воззрения отличаются друг от друга: один из них - принципиальный, а другой - практический, но он еще важнее.

Принципиальное отличие состоит в том, что хасидское учение не сводится к исследованию отдельных душевных переживаний, а имеет в виду всего человека. Речь здесь идет вовсе не о различии количественном. Напротив того. Здесь подчеркивается, что выхватывание отдельных разрозненных элементов и процессов из целого всегда мешает схватыванию самой цельности и что к истинному обновлению, к истинному исцелению сначала каждого человека в отдельности, а затем и отношений между ним и его ближними может привести только понимание цельности как таковой. (Выражаясь парадоксально: поиск центра тяжести сдвигает его и поэтому делает тщетными все попытки преодолеть и самые проблемы.) Однако это не значит, что не все феномены души могут быть рассмотрены; но ни один из них нельзя помещать в центр рассмотрения, пытаясь вывести из него все прочие; напротив, следует охватить все точки сразу, но не порознь, а в их живой взаимосвязи.

Что же касается отличия практического, то человек рассматривается здесь не как объект исследования, а призван «исправить самого себя». Человек должен сперва сам осознать, что конфликтные ситуации, которые возникают между ним и другими людьми, являются только последствиями конфликта в его собственной душе, и его-то пусть он и пытается преодолеть, дабы, представ перед своими ближними изменившимся и умиротворенным, вступить с ними в новые, изменившиеся отношения.

Но человек по своей природе норовит избежать этого решающего поворота, который в высшей степени болезнен для его привычного отношения к миру, и всякому, кто взывает к нему, будь это даже его собственная душа, он предъявляет факт: в любом конфликте участвуют двое; так что если от одного потребовать, чтобы он искал причины конфликта внутри самого себя, то этого же следует потребовать и от другого. Но как раз такое видение, когда человек рассматривает себя только как индивидуума, противопоставленного другим, а не как самостоятельную личность, чье обновление может способствовать обновлению мира, - как раз такое видение и заключает в себе основную ошибку, от которой предостерегает хасидское учение.

Нужно просто начать с себя самого, и пусть в эту минуту меня ничто больше не беспокоит, кроме самого начала. Всякая другая установка отклонит меня в сторону, ослабит решимость, сорвет дерзновенность начинания. Архимедова точка опоры, при помощи которой я со своего места могу сдвинуть мир, есть обновление меня самого; если вместо нее я обопрюсь на две точки сразу: в собственной душе и в душе своего ближнего, находящегося со мной в конфликте, то тотчас утрачу ту единственную, на которую мне уже открылась перспектива. Рабби Буним учил: «Наши мудрецы говорят: «Ищи мира в своем собственном доме». Мира нельзя искать нигде, кроме себя самого, покуда не отыщешь его там. В псалмах читаем: «Нет здорового места в плоти моей из-за гнева Твоего» [38:4]. Лишь обретя мир в себе самом, не прежде, человек сможет приступить к поискам его во всем мире».

Однако история, от которой я отправлялся, не довольствуется простым указанием, что действительный источник внешних конфликтов есть конфликт внутренний. В приводимом в ней изречении Баал Шем Тоба точно сказано, в чем же заключается этот все определяющий внутренний конфликт. Это конфликт между тремя началами, составляющими сущность и жизнь человека: мыслью, словом и действием. Любой конфликт между мной и моими ближними вызван несоответствием моих слов мыслям, а дел - словам. Именно это несоответствие все больше и

больше запутывает и отравляет отношения между мной и моими близкими, и я, будучи во внутреннем разладе с собою, уже не в силах более с ним совладать и, вопреки всяческим иллюзиям, становлюсь безвольным рабом его. Наша противоречивость, наша ложь - вот что взращивает конфликтные ситуации, и мы вручаем им власть над собой, покуда они не поработят нас. Отсюда нет иного выхода, кроме осознания неизбежного поворота: все зависит только от меня самого - и воли к такому повороту: я хочу исправить самого себя.

Чтобы человек мог совершить это великое дело, он должен, оставив мелочную суету своей жизни, прийти к самому себе, он должен найти себя самого, но не простенькое «я» эгоцентричного индивида, а глубинную суть своей в миру живущей личности. Но и этому противится весь уклад нашей жизни.

Хочу завершить эту главу старинной шуткой, ожившей в устах одного цадика.

Рабби Ханох рассказывал: «Жил-был когда-то один дурень, до того глупый, что его прозвали Голем. По утрам, когда он просыпался, ему стоило такого труда найти свою одежду, что вечерами, вспоминая об этом, он боялся ложиться спать. Наконец однажды вечером он собрался с духом, взял карандаш и бумагу и, раздеваясь перед сном, записал, какую часть одежды куда положил. Утром он радостно вынул записку и стал читать: «Шапка» - вот она, он тут же нахлобучил ее, «штаны» - вот они - он натянул и их, и т. д., пока не надел на себя все. «Ну а сам-то я где? - в смущении спросил он. - Куда же сам-то я подевался?» Напрасно он все искал да искал, себя найти он не мог. Так и с нами бывает», - заключил рабби.

V. НЕ ЗАНИМАЙСЯ СОБОЙ

Когда рабби Хаим из Цанза женил своего сына на дочери рабби Элиезера, на другой же день после свадьбы он навестил отца новобрачной и сказал ему: «Сват, мы породнились, и теперь я могу открыть Вам, что мучает мое сердце. Посмотрите, волосы мои и борода совсем седые, а я так и не совершил ни разу раскаяния». «Ах, сват, - ответил ему рабби Элиезер. - Вы только о себе и думаете. Забудьте себя и подумайте о мире!»

Сказанное здесь противоречит на первый взгляд всему, что я до сих пор излагал из учения хасидов. Мы слышали, что каждый должен заняться самоосмыслением, каждому надлежит избрать для себя особый путь, каждый должен сущность свою привести к единству и начать при этом с самого себя; и вдруг нам говорят, что себя самого нужно как раз забыть.

Однако стоит лишь чуть прислушаться, и сказанное не то что не будет противоречить всему остальному, но впишется в целое как его необходимое звено, как необходимый на своем месте этап. Нужно только задать себе один вопрос: «Зачем?» Зачем я должен осмысливать самого себя? Зачем я должен избирать для себя особый путь, зачем же мне сущность свою приводить к единству? Ответом будет: не ради себя самого. Поэтому и было уже сказано: начни с самого себя. Начни с себя, но не собой закончи; сделай себя исходной, но не конечной точкой; постигай себя, но не занимайся собой постоянно. Мы видели, как цадик, мудрый, благочестивый, щедрый на добрые дела, уже на старости лет упрекает себя, что поистине еще не раскаялся. В последовавшем ответе явно подразумевается, что грехи свои он преувеличивает, а раскаяние, которое совершал до сих пор, напротив того, преуменьшает. Сказано, однако, и нечто большее: ни к чему мучить себя постоянно тем, что ты сделал неладно, душевные силы, растрчиваемые на самоупреки, обрати лучше на деятельность во благо того мира, для которого ты предназначен. Займись не собой, а миром.

Во-первых, нужно хорошенько разобраться в том, что говорится здесь по поводу раскаяния. Раскаяние, как известно, занимает центральное место в понимании пути человеческого. Оно способно обновить человека изнутри и изменить его место в мире Божиим, раскаявшийся может возвыситься над самым совершенным праведником, которому не ведома бездна греха. Но раскаяние означает здесь нечто гораздо большее, чем просто сокрушение в душе или покаяние на деле; оно означает, что человек, заблудившийся в чаще эгоцентризма и всегда бывший целью для самого себя, находит путь к Богу, переменяв всю свою сущность; иными словами, он находит путь к исполнению той особой задачи, для которой Бог избрал именно его, этого особенного человека. Раскаяние лишь импульс, побуждающий к этой деятельной перемене себя; а кто все кается да кается, кто терзается, что недостаточно-де раскаяние его, - тот растрчивает лучшие свои силы, потребные для этой перемены.

Выступая на Иом Кипур с проповедью, рабби из Гур в сильных и смелых выражениях призвал не заниматься самобичеванием: «Кто непрестанно обдумывает и обсуждает то зло, что некогда содеял, - сказал он, - у того постоянно на уме его же подлые дела, а ведь если у тебя что-то на уме, то и сам ты в этом пребываешь всею душою своею, и стало быть, пребывает такой человек в подлости: он, конечно, не сможет перемениться, ибо дух его огрубеет, и сердце покроется плесенью, и уныние охватит его. А то как же? В дерьме сколько ни копайся, оно дерьмом и останется. Согрешил ли, нет ли - что проку с этого на Небесах? Вместо покаянных дум я бы лучше в это же время нанизывал жемчужины, на радость Небесам. А посему и сказано: «Избегай зла и твори добро» - отвратись вовсе от злого, не оглядывайся на него и твори добро. Ты поступил не по правде?

Так сделай теперь что-нибудь праведное. Урок нашей истории, однако, не сводится и к этому. Кто неустанно терзается, что-де не вполне еще покался, тот озабочен, по существу, спасением собственной души, т. е. своей личной судьбой в вечности». Хасидизм, отвергая подобное целеполагание, лишь делает выводы из традиционного еврейского учения. Как раз в этом и заключается один из главных пунктов, в которых христианство расходится с иудаизмом: в том, что высшей целью каждого человека оно сделало спасение собственной души. Для иудаизма же каждая человеческая душа - служебное звено в творении Божиим, которое трудами рук человеческих должно стать вечным царством Его. Тем самым ни одна душа, в ее личном спасении, не положена целью себе самой. Хотя каждой душе и надлежит познать себя самое, очистить, усовершенствовать, но не ради самой себя - не земного своего счастья и не блаженства своего на Небесах, - но ради того дела, которое надлежит ей совершить для мира Божия.

Забудь самого себя и подумай о мире. Направленность на спасение своей собственной души должно здесь понимать лишь как утонченнейшую форму направленности на самого себя. А это и есть то, что хасидизм самым решительным образом отвергает, в особенности для человека, который самого себя уже нашел и усовершенствовал. Рабби Буним учил: «В Торе сказано: «И взял Корах» [Числ. 16:18]. Что же он взял? Да себя самого он хотел взять - а потому что бы он ни делал, все никуда не годилось». Исходя из этого, вечному Кораху рабби Буним противопоставил вечного Моисея, «человека скромного» [Числ. 12:3], который в деяниях своих не оглядывается на себя. «В каждом

поколении, - говорил он, - возрождается и душа Моисея, и душа Кораха. И если когда-нибудь душа Кораха добровольно подчинится душе Моисея, то Корах спасется». Так рабби Буним представляет себе историю рода человеческого на пути к спасению, видя в ней как бы взаимодействие между обоими типами людей — гордым, который, будь это и в самой возвышенной форме, думает только о себе, и смиренным, думающим прежде всего о мире. Только когда гордыня склонится пред смирением, она спасется, и только когда она спасется, спасется и весь мир.

После смерти рабби Бунима один из его учеников, а именно рабби из Гур, слова из проповеди которого на празднике Йом Кипур я уже приводил, сказал: «Рабби Буним владел ключами от всех Небес. Еще бы! Ведь именно человеку, который не думает о себе, и вверяют все ключи».

А величайший из учеников рабби Бунима, поистине трагическая фигура среди цадиков, рабби Мендель из Коцка, обратился однажды к общине с такими словами: «Чего я требую от вас? Только трех вещей: «Не высовываться из себя, не соваться в другого и не думать все время о себе». Это означает: во-первых, каждому надлежит беречь и свято охранять свою собственную душу во всем ее своеобразии и в назначенном ей месте, а не завидовать своеобразию и месту другого; во-вторых, каждому надлежит с почтением относиться к тайне души своего ближнего, а не проникать в нее, нагло любопытствуя и с корыстными намерениями; в-третьих, каждый, вступая в отношения с самим собой и со всем остальным миром, должен остерегаться ставить себя конечной целью.

VI. ТАМ, ГДЕ СТОИШЬ

Юношам, приходившим к нему впервые, рабби Буним рассказывал обыкновенно историю об Ицхаке Айзике из Кракова, сыне Йехиэля. Тот, после долгих лет крайней нужды, ничуть не поколебавших его упований на Бога, получил во сне повеление: отправиться в Прагу и под мостом, что ведет к королевскому замку, откапывать клад. Сон повторился еще и еще раз, и тогда Айзик послушался. Но в Праге у моста день и ночь стоял караул, и Айзик никак не решался взяться за лопату. И все же он каждое утро приходил к мосту и бродил подле него до самого вечера. Наконец начальник караула обратил внимание на это хождение и приветливо осведомился, не ищет ли тот чего-нибудь или, может, ждет кого-то. Айзик и рассказал, что за сон привел его сюда из такой дали. Стражник рассмеялся: «Сколько же ты, бедняга, протопал в своих старых башмаках из-за какого-то сна! Будто можно верить снам! Эдак и мне пришлось бы ноги в руки да в дорогу. Было же мне во сне велено искать клад в Кракове, под печкой в доме какого-то тамошнего еврея. Вот бы стал я там ломиться в каждый дом - там же что ни еврей, так Айзик или Йехиэль». И он снова засмеялся. Айзик снова поклонился ему, отправился домой, выкопал клад и построил синагогу, которая носит имя ребе Айзика, сына Йехиэля.

«Вникни в эту историю, - добавлял обыкновенно рабби Буним, - знаешь, чему она учит? Есть нечто, чего ты в целом свете не сыщешь, и все же есть одно место, где ты сможешь это отыскать».

Эта история тоже старая-престарая, и знакома она нам из фольклора многих народов - но в устах хасидов звучит, право же, по-новому. Она не просто внешне «пересажена» в еврейский мир - она переплавлена самой хасидской мелодией, в которой она исполняется; но и это еще не самое главное: самое же главное в ней то, что она словно стала прозрачной и сквозь нее просвечивает хасидская истина. На нее не навешивается никакая «мораль», просто мудрец, пересказавший ее по-своему, наконец-то раскрыл ее истинный смысл и сделал его очевидным.

Есть что-то такое, что можно отыскать только в одном-единственном месте на белом свете. Это - великое сокровище, и назвать его можно исполнением жизненного предназначения. А место, где находится это сокровище, как раз и есть то самое, на котором ты стоишь.

Многие из нас только в редкие мгновения полностью сознают, что нам так и не пришлось вкусить от этой исполненности, что наша жизнь не участвует по-настоящему в такой исполненной жизни, что мы живем как бы мимо истины. И все же мы постоянно чувствуем этот недостаток, стараемся хоть как-то, хоть где-нибудь найти то, чего нам не хватает. В любом другом месте, в любом уголке мира или духа, но только не там, где мы стоим, не там, куда мы поставлены, - но именно там и нигде более следует искать свое сокровище. То окружение, которое является естественным для меня, те обстоятельства, которые даны мне судьбой, с которыми я встречаюсь изо дня в день, которые изо дня в день требуют моего участия, - среди них я и должен искать свое предназначение, здесь и должна исполниться та жизнь, которая открыта для меня. В Талмуде рассказывается об одном мудреце - будто бы пути небесные осветились перед ним, как улицы его родного города Нехардеи. Хасидизм переставляет акценты в этом рассказе: куда значительнее было бы, если бы улицы родного города предстали перед тобой освещенными как пути небесные. Ибо там, где мы стоим, и следует возжигать сокрытый огонь Божественной жизни.

Даже будь у нас власть над всеми краями земли, и то не обрели бы мы с того исполненности бытия, которую может дать нам преданное, тихое отношение к близкой нам жизни. И даже если бы знали тайны вышних миров, это не дало бы нам той действительной причастности к истинному бытию, какую дают нам наши повседневные обязанности, исполненные со священным рвением.

Рабби Баал Шем Тов учит, что ни одно живое существо или вещь, с которыми сталкивает нас жизнь, не лишено тайного значения. Люди, рядом с которыми мы живем или время от времени встречаемся, животные, которые помогают нам в хозяйстве, земля, которую мы возделываем, природные вещества, которые мы обрабатываем для наших нужд, орудия, которыми мы пользуемся, - все наделено скрытой душевной субстанцией, предоставленной нам, чтобы мы привели ее к чистоте облика и совершенству. Если мы пренебрежем этой дарованной нам на нашем пути душевной субстанцией, если будем помышлять только о сиюминутном, пренебрегая связью с вещами и тварями, к жизни которых мы должны быть столь же сопричастны, как и они к нашей, то сами упустим свое истинное и исполненное житие. Я убежден, что это учение истинно в своей основе. Высшая культура души осталась бы сухой и бесплодной, если бы из тех мимолетных встреч, которым мы день за днем отдаем причитающееся им, не проистекали реки воды живой и не вливались бы нам в душу, подобно тому, как самая могучая сила может в глубине своей обернуться бессилием, если она не находится в тайном союзе с этими смиренными и в то же время благодатными прикосновениями к далекому и такому близкому бытию.

Некоторые религии отказываются считать наше пребывание на земле настоящей жизнью. Они либо учат, что все, являющееся нам здесь, только видимость, сквозь которую нам следует проникнуть, либо что это только предместье

действительного мира, которое надо пробежать почти не глядя. В иудаизме все иначе. Дела человека, которые он здесь совершает в святости, важнее и истиннее, чем жизнь его в Мире грядущем. Окончательную оформленность это учение получило как раз в хасидизме.

Рабби Ханох из Александра говорил: «И другие народы верят, что есть два мира; «в том мире» - говорят они». Но вот в чем здесь разница: они полагают, что эти два мира отделены и отрезаны друг от друга, евреи же верят, что оба они поистине одно и во всякой действительности должны стать единым.

В своей сокровеннейшей истине оба мира суть один-единственный. Они как бы только друг с другом разошлись. Но им снова надлежит стать тем единством, каковы они суть в своей сокровеннейшей истине. Человек для того и создан, чтобы оба эти мира соединить. И он созидает это единство, живя в святости с тем миром, в который он поставлен, и на том месте, где он стоит.

Кто-то рассказывал рабби Пинхасу из Кореца о том, как страдают нуждающиеся. Он слушал, охваченный печалью. Затем поднял голову и сказал: «Давайте сведем Бога в мир, и тогда все нуждающиеся утешатся».

Но возможно ли это - свести в мир Бога? Это ли не дерзкое и высокомерное желание? Как смеет земнородный червь посягнуть на что-то, что совершается лишь милостью Божией: на долю свою в творении Его!

И в этом еврейское учение тоже противостоит учениям других религий, и оно глубже всего выражено в хасидизме. Милость Божия, как мы считаем, в том и состоит, что Бог хочет, чтобы человек стяжал Его, что Он как бы отдается в человеческие руки. Бог хочет прийти в свой мир, но хочет Он прийти в него через человека. Вот в чем мистерия нашего бытия, шанс человеческого рода на сверхчеловечество.

Ученых мужей, бывших у него в гостях, рабби Мендель из Коцка ошеломил однажды вопросом: «Где живет Бог?» Они стали смеяться над ним. «Как можно такое спрашивать? Ведь мир наполнен Его славой!» Но он сам ответил на свой вопрос: «Бог живет там, куда Его впускают».

В том-то и вся суть: Бога надо впустить. Но его можно впустить только туда, где ты сам стоишь, действительно стоишь, туда, где ты живешь, живешь своей повседневной жизнью. Если мы свято обращаемся с нашим маленьким, доверенным нам миром, если на том малом участке Творения, с которым соприкасаемся мы в нашей жизни, мы стараемся помочь самому святому в нас, нашей душевной субстанции, достичь совершенства, тогда мы возводим на этом отведенном нам месте обитель для Бога, тогда мы впускаем Бога в нее.

Пер. Н.Гучинской. Оп.: Бубер М. Хасидские истории. Первые учителя
Die Erzählungen der Chassidim

= [ПРАЗДНИКИ](#) = [ГЛАВНАЯ](#) = [ТРАДИЦИИ](#) = [ИСТОРИЯ](#) = [АТЛАС](#) = [ХОЛОКОСТ](#) = [ИЗРАНЕТ](#) = [НОВОСТИ](#) = [СИОНИЗМ](#) =

